

Оба участника были готовы. Судья бросил взгляд на список, а затем на них, словно проверяя, действительно ли те пришли на бой сами. На лице Ху Цзиня не исчезала тёплая улыбка, из-за чего даже Фэн Тяньци невольно засомневался: неужели этот выглядящий совершенно лишённым боевой мощи Ху Цзинь и вправду сможет сражаться с ним на равных?

Как ни поразмысли, всё казалось каким-то сомнительным.

Раздался выстрел. Фэн Тяньци мгновенно перешёл в боевой режим: раз уж началась схватка, неважно, кто перед тобой — изнеженный книжный червь или непревзойденный мастер, — нужно биться насмерть.

Фэн Тяньци среагировал молниеносно и вихрем бросился на Ху Цзиня, на ходу нанося удар ладонью. Улыбка на лице Ху Цзиня ни капли не изменилась: в одно мгновение он легко переместился на другую каменную колонну. Удар Фэн Тяньци рассек воздух, и он едва не свалился вниз сам.

Удержав равновесие, он больше не совершал опрометчивых движений. Похоже, у Ху Цзиня всё же имелись кое-какие навыки, раз он так запросто уворачивался от обычных атак.

Тогда Фэн Тяньци перешёл к самым грубым методам: принялся бегать вокруг четырёх каменных колонн, пытаясь поймать Ху Цзиня — мол, сначала поймаю, а потом отлупаю как следует. На арене разрешалось использовать оружие, но эти двое, казалось, пришли без всякого снаряжения, и со стороны это больше напоминало игру в прятки. Дерутся они вообще или нет?..

Брови Лу Баобя так и не разгладились. Он понятия не имел, кто такой Фэн Тяньци и на что тот способен, но был уверен: Фэн Тяньци ни за что не одолеет Ху Цзиня. Сам же Ху Цзинь еще даже не показал свои истинные способности — стоит ему их раскрыть, как Фэн Тяньци, судя по всему, придётся туго.

В этот самый момент Фэн Тяньци внезапно перешёл в наступление и ринулся на Ху Цзиня, одной рукой ухватившись за его верхнюю одежду. Вот только Ху Цзинь оказался парнем сообразительным: лихо сбросил пиджак, и Фэн Тяньци снова остался с носом.

— Если так нравится моё пальто, сказал бы сразу. Оно недорогое, дарю. Хочешь, автограф оставлю?

Ха-ха-ха... Зрители не смогли сдержать смех. На губах Лу Цяочэня тоже промелькнула улыбка — это был всё тот же любящий подшучивать Ху Цзинь.

В гневе швырнув пальто на землю, Фэн Тяньци сжав кулаки снова и снова бросался на Ху Цзиня. Организацию Шэньхо нельзя было назвать крупной, но Фэн Тяньци и Хо Шенго в её рядах выделялись особо — можно сказать, они прошли профессиональную подготовку. А вот организация Сенедю, в которой состоял Ху Цзинь, вообще не занималась никакой боевой

подготовкой. Оба объединения уже столько времени контактировали друг с другом, и этот факт был очевиден.

Чувство досады от того, что его кулаки раз за разом били мимо цели, заставило Фэн Тяньци разъяриться почти до кровавых глаз в манере берсерка. Ху Цзинь же невозмутимо отряхнул рукав, словно прикосновение Фэн Тяньци оставило на нём страшную грязь.

— Кажется, теперь моя очередь?

Эта фраза повергла всех в шок. Выходило, что Ху Цзинь даже не начал относиться к делу серьезно, а Фэн Тяньци уже выбился из сил. И впрямь тёмная лошадка! Только вот насколько эта лошадка черна, ещё предстояло узнать.

Ху Цзинь поднял руку и сорвал с глаз белую повязку. Ткань упала к подножию каменной колонны. Стоило ему открыть глаза, как его изящные черты лица заставили сердца некоторых девушек забиться чаще.

— Тогда я не буду церемониться.

Ху Цзинь протянул руку и толкнул потерявшего бдительность и всё еще пребывавшего в шоке Фэн Тяньци с каменной колонны. Правила соревнований гласили лишь то, что проигравшим считается упавший с колонны, не налагая никаких ограничений на используемые методы или приёмы, так что этот лёгкий толчок в исполнении Ху Цзиня тоже принёс ему победу.

Фэн Тяньци был до предела разсадочен. Как он мог позволить какому-то снятию повязки отвлечь его внимание? Впрочем, шок действительно был силен. Разве не ходили упорные слухи, что Ху Цзинь слеп на оба глаза?

— Благодарю за уступку.

На губах Ху Цзиня по-прежнему играла та самая лучезарная улыбка, он вовсе не выглядело опьяненным радостью победы. Наверное, в этом весь Ху Цзинь — на войне все средства хороши.

Окинув взглядом трибуны, Ху Цзинь встретился взглядом с Лу Цяочэнем, панически отвёл глаза, соскользнул со сцены и в мгновение ока затерялся в толпе. А бедному Лу Цяочэню, бросившемуся за ним, пришлось несладко — в толчее его чуть не превратили в сито. Цяо Мосяо резко дёрнул его за руку, спасая от опасности быть затоптанным.

— Нельзя ли переставать срываться с места каждый раз, когда ты его видишь? — Цяо Мосяо поднял руку Лу Цяочэня и прижал к своей груди. — Мне больно.

В виде Цяо Мосяо проступала некая тоска. И правда: в прошлый раз, когда они встретились с

Ху Цзинем, Лу Цяочэнь точно так же, не задумываясь, бросил его и помчался к Ху Цзиню. И хотя на словах он говорил, что ему всё равно, а в душе радовался их воссоединению, осадок всё равно оставался. Ему было горько от того, что подобная картина повторяется вновь и вновь. К тому же Ху Цзинь вовсе не был хорошим человеком.

Лу Цяочэнь на мгновение лишился способности подбирать слова. Он растерянно позволял Цяо Мосяо сжимать свою руку и даже чувствовал стук его сердца. Его лицо мгновенно вспыхнуло, и он отдернул руку, будто от удара током, отвернувшись в сторону.

— Я никогда не думал о тебе и мне... как о...

Он не знал, как выразиться. Он действительно никогда не думал, что двоюродный брат сделает ему завуалированное признание, и не предполагал, что начнёт встречаться с ним. Даже новость о том, что он сам принадлежит к ЛГБТ, шокировала бы окружающих, что уж говорить об отношениях со старшим кузеном.

Лу Баобей застрял посредине между ними. Из-за своего маленького роста он никак не мог повлиять на их возню. Он с недоумением разглядывал подозрительный румянец на лице Лу Цяочэня. Почему папочка вел себя так странно? Разве он не был готов к тому, что его папой станет либо Цяо Мосяо, либо Цзю Линь? Почему же теперь, когда дело дошло до дела, он вдруг дал задний ход?

К тому же, признание папочки Цяо — разве это не прекрасно? Почему папочка, вечно отличавшийся толстокожестью, вдруг решил поломаться? Лу Баобей мысленно засыпал их шквалом едких замечаний.

Цяо Мосяо взял себя в руки. Он понимал, что в сердце Чэнь-чэня, возможно, по-прежнему жил один лишь Цзю Линь, а может, тот и вовсе больше не причислял себя к геям. На душе стало тоскливо, но он подавил эмоции.

— Ладно, забудь. Считай, что я ничего не говорил. Иди лучше готовься к матчу на площадке С.

Лу Цяочэню тоже было не до сантиментов. Он взял Лу Баобей за руку и зашагал к площадке С, чувствуя, как в голове царит полный кавардак. Почему Призрак сменил имя? Куда делись отец и Сюань Яо? Зачем Ху Цзинь обманул его?

Вопросы один за другим цеплялись друг за друга, словно звенья цепи, и давили так сильно, что ему не хватало воздуха. Предстоящие поединки не вызывали у него ни малейшего понимания: он не знал, кто его противник, не имел представления о регламенте соревнований — полная пустота. Все остальные обычно заранее изучали правила, а он лишь ждал, пока судья объявит их прямо перед началом боев.

Настала очередь поединка АЕЗ. К полнейшему удивлению, в раунде АЕЗ организация Шэньхо должна была сражаться против Организации Июй. Лу Цяочэнь тут же снова заинтересовался

происходящим. Как такая мелкая организация, как Шэньхо, умудрилась получить номер и выйти на бой с Организацией Июй? Просто уму непостижимо.

Заодно появится шанс хорошенько разобраться в правилах, чтобы не выглядеть полным новичком, когда придет его собственный черёд выходить на арену.

Площадка С оказалась огромной — намного больше площадки А, не говоря уже о площадке В, которая на её фоне казалась крошечной лягушкой на дне колодца.

Площадка С отдаленно напоминала древнеримский коллизей. Она была настолько гигантской, что зрители и зеваки размещались на трибунах высоко наверху. Участников ограждали от внешнего мира высокие стены, а в четырёх сторонах этих стен темнели клетки, откуда то и дело доносился зловещий рёв.

Неужели им и правда предстояло сражаться с дикими зверями?

<http://bllate.org/book/22029/2290277>